

М. С. СОЛОНИН

22 июня. Анатомия катастрофы

<Фрагменты>

<...>

Разумеется, предельно милитаризованная сталинская империя, долгие годы готовившаяся к Большой Войне с предельным напряжением всех ресурсов богатейшей страны мира, вооружила и оснастила свою армию как нельзя лучше. Разумеется, танков и самолетов, зенитных орудий и гусеничных тягачей, аэродромов и аэростатов в Красной Армии было больше, чем в армиях Англии, Франции и Германии, вместе взятых <...>.

<...> Разумеется, научно-технический уровень советского военного производства не просто «соответствовал лучшим мировым стандартам», а по целому ряду направлений формировал их <...>.

<...> Разумеется, сосредоточение трехмиллионной группировки вермахта у западных границ СССР было заблаговременно выявлено советской разведкой (которая, к слову сказать, несколько преувеличила численность войск противника). И хотя подлинных документов, раскрывающих оперативные планы немецкого командования, на столе Сталина никогда не было, общая военно-политическая готовность гитлеровской Германии к агрессии на Востоке не была секретом ни для высшего государственного руководства СССР, ни для старших командиров Красной Армии.

Имеющиеся документы неопровержимо свидетельствуют о том, что скрытая мобилизация и скрытое стратегическое развертывание Вооруженных Сил Советского Союза начались ДО, а не после первых оружейных залпов на границе. Что касается цели этого развертывания, то по этому поводу возможна (и необходима) дискуссия. Как бы то ни было, но в июне 41-го Красная

Армия готовилась к войне, причем к такой войне, которая должна была начаться в ближайшие недели или даже дни. Самое большее, чего могли в такой ситуации добиться немцы, так это весьма ограниченного во времени и пространстве эффекта тактической внезапности. И не более того.

<...>

Непостижимой уму особенностью тоталитарного сталинского режима оказалось полное отсутствие единого, всеобщего порядка — хотя само слово «тоталитарный» обозначает унификацию и единообразие.

Вероятно, мы не сильно ошибемся предположив, что всеобщим и универсальным в империи Сталина (и в Красной Армии, как ее важнейшей составной части) был беспорядок, лишь в ряде счастливых случаев нарушаемый порядком. Причем порядок этот обеспечивала не государственная система власти и управления, а личный энтузиазм, личная добросовестность, личная инициатива отдельных командиров.

На рассвете 22 июня 1941 года началась война. Не очередной «освободительный поход», а настоящая, большая война. И вот тут-то товарищу Сталину пришлось столкнуться с ошеломляющей неожиданностью — оказалось, что многие его генералы, полковники и подполковники даже не задумывались о том, что за право есть, пить и не работать профессиональный военный должен платить — платить готовностью в любой момент отдать свою жизнь за ту страну, которая и подарила ему эти права и привилегии <...>.

<...> За шесть месяцев 1941 г. в плену оказалось *шестьдесят три генерала*. А всего за время войны — 79 генералов (мы не стали причислять к этому перечню генералов А. Б. Шистера, М. О. Петрова, Ф. Д. Рубцова, И. А. Ласкина, Ф. А. Семеновского, которые находились в плену всего несколько часов или дней).

Разумеется, плен плену рознь. Автор совершенно не призывает мазать всех одним дегтем. Многие генералы (Лукин, Карбышев, Ткаченко, Шепетов, Антюфеев, Любовцев, Мельников и другие, всего порядка двадцати человек) были захвачены противником ранеными, в беспомощном состоянии. Многие из тех, кто оказался в плену, в дальнейшем отвергли попытки врага склонить их к сотрудничеству и были расстреляны или замучены гитлеровцами. Так погибли генералы Алавердов, Ершаков, Карбышев, Макаров, Никитин, Новиков, Пресняков, Романов, Сотенский, Старостин, Ткаченко, Тхор, Шепетов. Несколько человек (генералы Алексеев,

Огурцов, Сысоев, Цирульников) бежали из плена, перешли линию фронта или примкнули к партизанским отрядам.

Все это — правда. Другая часть горькой правды состоит в том, что большая часть плененных генералов забыла о том, что личное оружие было выдано им не только для того, чтобы гнать в бой подчиненных. Нынешним гуманистам, призывающим войти в «тяжелое положение беззащитных генералов», следовало бы вспомнить о том, что каждый сдавшийся врагу командир губил тем самым тысячи своих солдат, отдавал фашистам на растерзание сотни тысяч мирных жителей. И мера ответственности за разгром армии и разорение страны для мобилизованного колхозного мужика и осыпанного всеми благами жизни генерала (которого государство наделило правом распоряжаться жизнью и смертью тысяч таких мужиков) должна, безусловно, быть разной.

За добровольную сдачу в плен и сотрудничество с оккупантами после войны было расстреляно или повешено *двадцать три бывших генерала Красной Армии* (и это не считая тех, кто получил за предательство полновесный лагерный срок). Среди них были и командиры весьма высокого ранга <...>.

<...> Судя по его реальным действиям, товарищ Сталин достаточно быстро понял, что в довоенные годы он крупно ошибся в деликатном деле подбора, расстановки и истребления кадров, и очень старался исправиться. Но как? Подобно заключенному в тюрьме, обшаривающему всю камеру в надежде найти затерявшийся окурок, он все тасовал и перетасовывал генералов в надежде найти, наконец, того, кто совершит чудо, «превратит камни в хлеба» и заставит нищих колхозников воевать за «родную партию и ее великого вождя».

За первые четыре месяца войны на главном стратегическом направлении командующего Западным фронтом поменяли **семь раз** (Павлов, Еременко, Тимошенко, снова Еременко, снова Тимошенко, Конев, Жуков). Командующего 21-й армией (на том же самом западном направлении, за тот же срок) меняли шесть раз (Герасименко, Кузнецов Ф. И., Ефремов, Гордов, другой Кузнецов В. И., снова Гордов). Немногим лучше обстояли дела у соседей 21-й армии. Пять командиров в 20-й армии (Ремезов, Курочкин, Лукин, Ершаков, Власов), четыре командира в 13-й (Филатов, Ремезов, Голубев, Городнянский), по три командира сменилось за лето-осень 1941 г. в 19-й и 22-й армиях.

Командармы появлялись и исчезали, не успевая даже познакомиться со своими новыми подчиненными. Довольно быстро

в этой чехарде выработалось некое универсальное правило. Оно не требовало ни знакомства с подчиненными, ни разведки противника, ни знания военной техники. Оно полностью заменяло собой все тонкости тактики и оперативного искусства. Оно гремело и грохотало по всем штабам, окопам и блиндажам.

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!

А в довесок к этому правилу — лукавое самооправдание: «Война все спишет».

Все и списали. Или даже возвели в образец «несгибаемого мужества и героизма». Как, например, печально-знаменитый «Невский пяточок» <...>.

<...> Скажем честно — порой даже высшее руководство Красной Армии выражало свое возмущение такой практикой растраниживания «людских контингентов». Сам Сталин как-то раз потребовал от своих генералов «*научиться воевать малой кровью, как это делают немцы*» (телеграмма командованию Юго-Западного направления от 27 мая 1942 г.)... Увы, толку от таких директив было мало — прежде всего потому, что сам Жуков и его ближайшие соратники и до и после отдания этой директивы губили людей десятками и сотнями тысяч «при плохо подготовленном наступлении» <...>.

<...> У всякой палки есть два конца. Укоренившееся в сознании многих командиров отношение к людям, как к самому дешевому «расходному материалу», вполне адекватно дополнялось безразличным отношением красноармейцев к уставной обязанности оберегать командира в бою. К сожалению, речь идет вовсе не об отдельных позорных случаях. Масштабы бесследного исчезновения командиров в Красной Армии потрясают. Всего за четыре года войны только в Сухопутных войсках (т. е. без учета авиационных командиров, не вернувшихся с боевого вылета) без вести пропали:

- 163 командира дивизии (бригады);
- 221 начальник штаба дивизии (бригады);
- 1114 командиров полков.

Даже к началу 90-х годов (полвека спустя) не были известны места захоронений *сорока четырех генералов* Красной Армии. Это не считая тех, кто был расстрелян или умер в тюрьмах и лагерях, не считая погибших в плену! Сорок четыре генерала — среди них два десятка командиров корпусного и армейского звена — разделили судьбу рядовых солдат, бесследно сгинувших в пучине страшной войны.

Солдат было много, в Красной Армии счет шел на миллионы. Солдат часто воюет в одиночку и гибнет без свидетелей. Вот почему многочисленность не погребенных по-людски солдат если и не оправдана, то, по меньшей мере, объяснима. Но как же может пропасть без вести генерал, командир корпуса или дивизии? Командир в одиночестве не воюет. Командование и штаб дивизии имели численность (по штату апреля 1941 г.) в 75 человек. Это не считая личный состав политотдела, трибунала и комендантского взвода. В штабных структурах корпуса и армии людей еще больше. До каких же пределов должно было дойти моральное разложение Красной Армии, чтобы погибшие генералы оставались брошенными в чистом поле, без примет и следа.

<...>

Гитлер пришел к власти на волне националистического подъема (им же и организованного). «Германия превыше всего» — вот главный лозунг, который в деле восхождения Гитлера к власти выполнил ту роль, которую в нашей стране сыграло гениальное изречение Ленина «грабь награбленное». Грабить своих, единокровных немцев, нацисты категорически не разрешали. Они стремились сплотить свою, немецкую нацию, в то время как большевики только тем и были озабочены, чтобы натравить рабочих на работодателей, солдат — на офицеров, батраков — на крестьян, левых — на правых, правых — на левых...

Немцам не пришлось пережить ни «раскулачивания», ни разоблачения миллионов «вредителей». Весь необходимый для функционирования тоталитарной диктатуры заряд массовой ненависти был направлен не внутрь, а наружу — на внешних врагов Германии. И результат превзошел все ожидания. До самых последних дней войны немецкий солдат готов был проливать кровь ради спасения фатерлянда от «азиатских орд большевиков» и «наемников еврейской плутократии Запада».

На этом фоне идеология и практика большевизма смотрятся редкостным идиотизмом. Признавая неизбежность (более того — желательность) все новых и новых, мировых и европейских войн, Ленин и его приспешники объявили патриотизм опасным и вредным пережитком мелкобуржуазного сознания. Во время Первой мировой войны (которую официальная российская пропаганда именовала тогда «второй Отечественной») они призывали «воткнуть штык в землю» и замирились с солдатами противника. Захватив власть, большевики даже из названия своей армии изгна-

ли всякие следы чего-либо национального. Армия стала и не «русской», и не «российской», и даже не «советской» (по названию государства). Армия была названа «рабоче-крестьянской», солдат стал «красным армейцем», все враги были названы «белыми»: бело-поляки, белокитайцы, белофинны...

Ленина еще понять можно. Проведя лучшие годы жизни в эмигрантских кофейнях Парижа и Цюриха, в узком кругу сектантов-фанатиков, он оторвался от реалий российской жизни и всерьез поверил в то, что русский мужик пойдет на войну ради «торжества Мировой Революции». Но товарищ Сталин — беспринципный прагматик и холодный реалист — как он мог пойти таким путем? Да, конечно, потом Сталин опомнился, разогнал Коминтерн, достал из запасников светлые образы «царских генералов», а Александр Невский занял в пропаганде место создателя Красной Армии Льва Троцкого... Но все это будет потом. А на войне опаздывать смертельно опасно¹.

Еще более значимым для темы нашего исследования является другое различие между большевистской и фашистской диктатурами.

К моменту начала советско-германской войны Гитлер выполнил большую часть своих обещаний. Сталин и большевики надули доверившихся им простаков почти во всем.

Гитлер объединил всех немцев в одном государстве, дал каждому рабочему работу и достойную зарплату, создал впечатляющую систему социальной поддержки материнства и детства, многократно расширил территорию рейха, провел немецкую армию под триумфальной аркой Парижа, не обидел никого из тех представителей старой элиты Германии, кто согласился работать с новой властью. Гитлер не боялся показать немецким рабочим реальные картины жизни сталинского «государства рабочих и крестьян». Выступая с радиообращением к нации 3 октября 1941 г., он мог сказать:

«Наши солдаты пришли на земли, 25 лет бывшие под большевистской властью. Те из солдат, у которых в сердцах или в умах еще жили коммунистические идеи, вернутся домой, в буквальном смысле этого слова, исцеленными... Они прошли по улицам этого “рая”. Это — исключительно фабрика по производству оружия против Европы, выстроенная за счет жизненного уровня граждан...»

Большевики выполнили только одно из множества своих обещаний: обещали вырезать всех «господ» под корень — и вырезали.

Причем с большущим перебором. Во всем остальном обман был полный <...>.

<...> За редчайшими исключениями все военные, инженеры, экономисты, дипломаты старой России, которые добровольно пошли на службу к большевикам, до июня 1941 г. не дожили — их расстреляли или «стерли в лагерную пыль».

Так какая же пропаганда могла восполнить такой обман, такой крах надежд и ожиданий миллионов людей?

Вот поэтому товарищ Сталин за тридцать лет своей власти так и не съездил ни в один колхоз, не посетил ни одного заводского цеха и хороводы с ребятишками не водил. Он не искал любви народных масс, да и вряд ли верил в ее существование. Ему нужна была одна только покорность, покорность абсолютная и нерассуждающая, и он добивался ее одним известным и доступным ему способом. Террором. Массовым и чудовищно жестоким террором. Он был убежден, что всеобщий страх — это и есть тот камень, на котором будет покоиться его незыблемая власть, и «врата ада не смогут одолеть ее...».

Это и была главная ошибка его жизни.

Что и говорить — страх наказания является мощным инструментом воздействия на поведение человека. Отрицать это бессмысленно. Но еще более абсурдными были надежды товарища Сталина на то, что задавленный террором народ можно поднять на Великую Отечественную войну. Многие годы безраздельно и бесконтрольно управляя Россией, Сталин так и не понял смысл мудрой русской поговорки: «Клин клином выбивают». Сильнейший удар, нанесенный вермахтом, разрушил старый страх новым страхом, а револьвер чекиста потускнел и затерялся среди грохота тысяч орудий, среди лязга гусениц тысяч танков. И тогда сталинская империя, скрепленная террором и террором управляемая, стала стремительно и неудержимо разваливаться.

Как бочка, с которой сбили обручи <...>.

<...> Спасение пришло оттуда, откуда Сталин и ожидать-то его не мог. Это чудесное избавление от неминуемой гибели так потрясло вождя народа, что он не смог сдержаться и заявил об этом во всеуслышание. Правда, потом быстро опомнился и больше ТАКОГО вслух не говорил. Но в ноябре 1941 г., выступая с докладом на торжественном собрании, посвященном очередной годовщине большевистского переворота, Сталин вдруг сказал правду: «Глупая политика Гитлера превратила народы СССР в заклятых врагов

нынешней Германии». В этих словах коротко и точно сформулирована главная причина того, почему драка за передел разбойничьей добычи между двумя кровавыми диктатурами превратилась в конце концов в Великую Отечественную войну советского народа.

Гитлер совершил длинную череду вопиющих глупостей в то время, когда победа над сталинской империей буквально валилась ему в руки. Первейшей ошибкой была сама стратегическая установка на сугубо военный разгром противника. Полторы сотни немецких дивизий не могли оккупировать страну, раскинувшуюся от Бреста до Владивостока и от Мурманска до Ашхабада. Если Советский Союз и мог быть разрушен, то только взрывом изнутри (что и произошло в реальности ровно через полвека), и единственным смыслом военной операции могло быть лишь инициирование такого взрыва. Но Гитлер, этот самовлюбленный изувер, возомнивший себя орудием «провидения», не смог (или не захотел) понять столь очевидные истины <...>.

<...> На развалинах Советского Союза могло быть создано несколько союзных гитлеровской Германии «независимых государств» (вроде Словакии или Хорватии), которые бы обеспечивали вермахт продовольствием, сырьем для военной промышленности, вспомогательными воинскими формированиями. Однако Гитлер, в больном мозгу которого расистский бред о «неполноценности славян» причудливо мешался со страхом перед восточным гигантом, отвечал, что он не нуждается в союзе со славянскими «недолюдками», а от вермахта требуется просто и быстро разгромить Красную Армию. Потом и вовсе перестал отвечать² <...>.

<...> К счастью для человечества, Гитлер упустил уникальный шанс, который предоставило ему многолетнее большевистское хозяйничанье в России. Он даже не попытался «подсластить пилюлю» и представить свою агрессию против СССР как «освободительный поход». Пленных красноармейцев, от которых отказалось советское государство, сгоняли как скот на огромные, опутанные колючей проволокой поляны и морили там голодом и дизентерией. Лучше всех агитаторов ГлавПУРа, вместе взятых, фашистские лидеры показали и доказали бойцам Красной Армии, что и плен не является спасением от смерти <...>.

<...> С такой же категоричной ясностью оккупационная администрация продемонстрировала ошеломленному населению, что формулу «Немцы — культурная нация» пора забыть, а привыкать надо к «новому порядку», который оказался даже проще старо-

го — расстрел на месте за любую провинность. С вызывающей откровенностью народу объясняли, что обслуживание представителей «высшей расы» отныне станет единственным смыслом жизни для тех, кому разрешат жить <...>.

<...> Так с каждым днем и месяцем все новые и новые миллионы советских людей начинали осознавать, что война, на которой им приходится воевать и умирать, идет уже не ради освобождения очередных «братьев по классу» в Занзибаре, не ради окончательного торжества «вечно живого учения Карла Маркса», а просто для того, чтобы они, их семьи, их дети могли жить и надеяться на лучшее будущее.

Вот тогда и началась Великая Отечественная война.

Не будем упрощать. Жизнь многомиллионного человеческого сообщества бесконечно сложнее любой схемы.

Предложенная выше формула («империя, скрепленная террором и террором управляемая») хотя и отражает главную доминанту сталинского государства, является предельным публицистическим упрощением реальности <...>.

<...> Наконец, автор вовсе не предлагает свести всю историю войны к социологии и уж тем более — к описанию психологических эффектов и аффектов <...>.

<...> Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и природно-географический фактор. Его не следует абсолютизировать, но и нелепо отрицать тот факт, что сами огромные пространства России поглощали и растворяли армию захватчиков <...>.

<...> Разумеется, не может быть и речи об установлении какой-то точной даты «Великого Перелома».

Нет таких «выключателей», которые в одно мгновение способны произвести глубинный переворот в сознании огромного многонационального народа. И тем не менее некоторые, вполне рациональные критерии и обоснованные временные рамки указать можно и нужно... Печальный опыт великого множества военных конфликтов XX века показывает, что есть некое, весьма стабильное, соотношение числа убитых и раненых в боевых действиях — 1 к 3. На одного убитого приходится трое раненых. К слову говоря, именно в таких пропорциях сложились и потери вермахта в 1941 г. Возможно, эти цифры отражают некое фундаментальное соотношение между «прочностью» человеческого организма и поражающим воздействием оружия первой половины XX века <...>.

<...> В третьем квартале 1941 г. (т. е. за первые три месяца войны) доля санитарных потерь составила всего 24,66% от всех потерь. Другими словами, соотношение безвозвратных и санитарных потерь оказалось не 1 к 3, а 3 к 1. Это очень мрачное «чудо». За ним стоит огромное количество пленных и дезертиров (которые и составили основную часть безвозвратных потерь Красной Армии летом 1941 г.), за ним стоит трагедия брошенных на растерзание врагу раненых, которых не вывезли в тыл и, следовательно, не ушли в графе «санитарные потери».

В четвертом квартале 1941 г. доля санитарных потерь увеличилась почти в два раза. Такие пропорции еще очень и очень далеки до ситуации в нормальной, воюющей армии, но тем не менее перемены очевидны.

В первом квартале 1942 г. — уже 65,44%. Это почти «норма».

Во втором и третьем квартале — соответственно 47,48% и 52,79%. Немцы перезимовали, восстановили силы и снова погнали многотысячные колонны пленных из «котлов» у Керчи и Харькова. Но, заметим, чудовищная ситуация лета 1941 г. более уже не повторилась!

К концу 1942 г. доля санитарных потерь возрастает почти до «нормальной» величины в 67,25%. Далее, вплоть до победного мая 1945 г. идут такие цифры: 79, 75, 76, 77, 79, 78 <...>.

Наличие принципиального, качественного изменения структуры потерь не вызывает ни малейшего сомнения. Переход от 3 к 1 до 1 к 3 не может быть объяснен погрешностями статистических измерений. Налицо качественное изменение состояния армии, произошедшее на рубеже 42–43-го годов. Армия перестала «разбредаться», вследствие чего доля пленных и дезертиров снизилась до единиц процентов от общих потерь <...>.

<...> Суммируя все вышесказанное, ориентировочные временные рамки, в которых состоялся «Великий Перелом», можно определить так: осень 1942 г. — лето 1943 г. В переводе на общепринятую хронологию войны — от Сталинградской битвы до Курской дуги.

<...>

Для Сталина Вторая мировая война, война, которую он так настойчиво и так неуклюже готовил, провоцировал и разжигал, закончилась победой. Проливший реки человеческой крови, спасенный от, казалось бы, неминуемой гибели жертвенным героизмом миллионов советских людей, сталинский режим вышел

из войны в сиянии и блеске величайшего триумфа. Гигантская армия (которую, отбросив за ненужностью последние воспоминания о революционном прошлом, перестали называть «красной») стояла уже на берегах Дуная и Эльбы. Сам Хозяин был провозглашен гениальнейшим полководцем всех времен и народов. Восхищенные и очарованные приспешники поднесли ему высшее воинское звание Генералиссимуса. Политический банкрот и презренный трус, не набравшийся в первые дни войны даже смелости обратиться к народу с разъяснением произошедшего³, был объявлен «творцом и организатором Великой Победы».

Нельзя отрицать, что рост военно-технического могущества Советского Союза, огромное увеличение его возможностей заставляли дрожать от страха весь мир были воистину ошеломляющими. Из поверженной Германии вывозились тысячи тонн технической документации, вывозились целые научно-исследовательские, конструкторские коллективы. У доверчивых врагов-союзников всеми правдами и неправдами покупали, добывали, воровали новейшие военные технологии. Добыча была огромной: реактивные двигатели, зенитные ракеты, радиолокаторы, баллистические ракеты, инфракрасные системы самонаведения... И, наконец, вершина всех усилий — двадцать тысяч страниц технического описания американской атомной бомбы, скопированной и успешно испытанной всего через четыре года после падения Берлина.

К тому моменту, когда Сталин умер — или был отравлен своими товарищами по Политбюро? — Советский Союз был вооружен и очень опасен. Как никогда. И все же не хочется верить в то, что только ради этого миллионы людей приняли мученическую смерть. Да, в немыслимо тягостных условиях, созданных многолетним произволом преступного сталинского режима, советский народ, его многонациональная Красная Армия спасли Европу от фашистского порабощения. В очередной раз подневольный русский мужик, жертвуя собой, распахнул дверь к миру и процветанию для других народов. Памятники советскому солдату должны стоять на площадях Парижа и Вены, Лондона и Брюсселя.

Но какими же оказались глубинные, долговременные последствия Великой Отечественной войны для самой России?

Как сказалась гибель миллионов самых лучших, самых честных, самых смелых на нравственных устоях, на самом генофонде нации?

Не надорвались ли духовные силы народа на сверхчеловеческом напряжении тех четырех лет?

Не оказалась ли та ярчайшая вспышка массового героизма, массового самопожертвования, которые явил изумленному миру советский народ, последним приливом сил умирающего?

Вот вопросы, ответ на которые сможет дать только сама жизнь и перед лицом которых историку остается лишь замолчать и поставить последнюю точку.

<...>

